

Психологический статус личности военных пенсионеров

Зинаида И. Рябикова , Елена Р. Миронова , Ольга А. Лаврова*

Кубанский государственный университет, Краснодар, Российская Федерация

*Почта ответственного автора: lavloa@yandex.ru

Аннотация

Введение. Обоснована актуальность проблематики сохранения ресурса личности в поздние периоды жизни для продолжения продуктивного взаимодействия с окружающим миром. Методологически обосновано обращение к конструкту «психологический статус личности», обеспечивающему рассмотрение личности с позиций целостности, единства личности и ее бытия, субъектности. В качестве сущностных параметров психологического статуса личности военных пенсионеров обоснованы ценностно-смысловые, аффективно-когнитивные и субъектные характеристики личности. Субъектность рассматривается в качестве дифференцирующего признака, обуславливающего складывающиеся отношения пенсионера с реальностью бытия. **Методы.** В исследовании приняли участие 96 военных пенсионеров. Использованы методика А.Шварца для изучения ценностей личности, опросник Ю.Куля для диагностики мотивационной направленности, методика Н.Холла «Эмоциональный интеллект», тест жизнестойкости Д.А.Леонтьева, Е.Рассказовой, краткая шкала измерения самоактуализации (А. Джоунс, Р. Крэндалл), опросник «Профессиональная востребованность личности» (Е. Харитоновой, Б. Ясько), методика диагностики самооценки (модификация методики Дембо-Рубинштейна). **Результаты.** Определены три типа психологического статуса личности военных пенсионеров с уникальным сочетанием ценностно-смысловых, аффективно-когнитивных и субъектных характеристик. Первый тип представлен среди неработающих военных пенсионеров-мужчин. Он характеризуется несформированностью психологических ресурсов самореализации и определяет неблагоприятные маршруты реализации субъектности («утраченная субъектность»).

Второй тип представлен среди военных пенсионеров в возрасте 60+, а также военных пенсионеров-женщин. Ему свойственны различные возможности взаимодействия субъекта с изменившейся средой бытия на основе сохраненной ретроспективной субъектности, от «застревания» в прошлом до использования прошлого опыта как ресурса («позитивная ретроспективная субъектность»). Третий тип представлен среди работающих военных пенсионеров. Он характеризуется сформированностью психологических ресурсов, обеспечивающих возможности для активной трансформации субъектом актуальных условий своего бытия, реализации субъектности («сохраненная субъектность»). **Обсуждение результатов.** Выявленные типологические особенности определяют необходимость дифференцированного подхода к процессу психологического сопровождения субъекта на поздних этапах его жизненного цикла.

Ключевые слова

психологический статус личности, ценностные параметры статуса, аффективно-когнитивные параметры статуса, субъектные параметры статуса, типы презентации статуса

Для цитирования

Рябикова, З. И., Миронова, Е. Р., Лаврова, О. А. (2025). Психологический статус личности военных пенсионеров. *Российский психологический журнал*, 22(3), 6–25. <https://doi.org/10.21702/rpj.2025.3.1>

Введение

Актуальность проблематики исследования

Актуальность исследования поздних этапов жизненного цикла человека определяется трансформацией социально-демографической структуры современного общества, старением населения, увеличением продолжительности жизни человека. Растущий исследовательский интерес к психологическим аспектам позднего онтогенеза обусловлен принципиальными изменениями представлений о его содержании: от понимания данного периода исключительно как инволюционного к представлениям о данном этапе жизненного цикла как о периоде продолжающегося продуктивного взаимодействия человека с окружающим миром (Головей, 2024; Стрижицкая, 2022; Westerhof et al., 2023; Diehl et al., 2021; Ingrand et al., 2018; Martinson, Berridge, 2015; Nilsson, Bülow & Kazemi, 2015; Rowe, & Kahn, 2015). По определению Л. И. Анциферовой, данный период жизни характеризуется «новообразованиями прогрессивного характера, направленными на преодоление деструктивных явлений

в геронтогенезе и достижение нового уровня самореализации личности в мире» (Анцыферова, 2001, с. 89).

Хронологически период поздней взрослости совпадает со временем окончания профессиональной деятельности, выходом на пенсию. С одной стороны, данный жизненный рубеж является ожидаемым возрастно-нормативным событием позднего возраста, с другой — переживается человеком как один из самых глубоких психосоциальных возрастных кризисов и требует мобилизации психологических ресурсов, обеспечивающих сохранение субъектной позиции в изменившихся условиях бытия. «Траектории» проживания субъектом данного возрастного этапа во многом обусловлены спецификой его предшествующей жизненной истории, местом личности в социальной структуре, с характерными для нее нормами, правилами, регламентами и укладами. Это определяет, в частности, дифференциацию военных и гражданских лиц.

Целью данного теоретико-эмпирического исследования выступает изучение личности военных пенсионеров — социально-демографической группы, в которую входят граждане Российской Федерации, проходившие и завершившие службу в Министерстве обороны, Министерстве внутренних дел (МВД), Министерстве по чрезвычайным ситуациям (МЧС), Федеральной службе исполнения наказаний (ФСИН), Национальной гвардии Российской Федерации, Федеральной службе по контролю за оборотом наркотиков (ФСКН). После завершения военной службы осваивать новый для себя социальный статус военным пенсионерам приходится в условиях кардинального изменения жизненной среды, изменения условий социального бытия. Утрачиваются многие устойчивые, привычные для военнослужащего элементы жизненной реальности, нормы, правила, регламенты, которым ранее была подчинена их жизнь (Лаврова, 2020). Очевидно, что не менее значимыми оказываются в этот период и внутренние психологические изменения, связанные с поиском возможностей, путей, личностных ресурсов выстраивания своего бытия в новых средовых условиях.

Психологический статус личности как интегральная характеристика человека в определенных социальных обстоятельствах

Выбор основного конструктора в осуществленном исследовании обусловлен теоретико-методологической актуальностью основополагающих методологических принципов целостности (Ананьев, 2000; Мерлин, 1986; Вяткин, 2011; Логинова Н. А., 2016; Панферов, Микляева, 2019), единства личности и ее бытия (Рубинштейн, 2000; Леонтьев, 2005; Ломов, 1984; Знаков, Рябикова, 2017), субъектности (Абульханова-Славская, 2001; Анцыферова, 2000; Знаков, 2003; Знаков, Рябикова, 2017; Фоминых, 2024; Холондрович, 2018). Названные принципы определили выбор категорий, отношение к теоретическим конструктам и направленность в интерпретации собранного эмпирического материала.

В качестве основного теоретического конструкта в данном исследовании рассматривается «психологический статус личности» как интегральная совокупность сущностных психологических личностных параметров, выступающих продуктом системы «человек – окружающая среда», сохраняющих относительную устойчивость в течение определенного времени, определяющих уровень психической активности человека во взаимодействии с конкретными факторами внешней реальности, его способность к трансформации окружающей действительности и самого себя.

Применение данного научного понятия обеспечивает возможность реализации принципа целостности, поскольку маркирует связную целостность совокупных психологических (или иных) характеристик.

Понятие «психологический статус личности» было обосновано и используется исследователями, прежде всего, в контексте экопсихологического подхода, в качестве интегральной характеристики психики человека в данный период времени во взаимодействии с конкретными факторами жизненной среды (Карабанова, 2014; Панов, 2022; Панов, Сараева, 2011; Стужук и др., 2020; Bronfenbrenner, 1979; Shoda & Mischel, 2000).

Психологический статус личности, в некотором роде, выступает проекцией социального статуса человека, проекцией той позиции, которую человек занимает в социальной системе. Поэтому может быть интерпретирован только в контексте обстоятельств ее социального бытия, предполагающего соответствие нормам, требованиям, экспекциям, которые транслируются обществом определенным категориям социальных индивидов.

Оформляя социальный статус пенсионера как позицию, которую пожилой человек занимает в системе социальных отношений, общество формально выводит его из списка активных социальных акторов. При этом, в контексте изменяющейся парадигмы представлений о поздних периодах жизни человека, провозглашающей в качестве «возрастной нормы» сохранение деятельной позиции по отношению к себе и миру, современное общество «ждет» от пожилого человека в социальном статусе пенсионера сохранности проявления активной позиции в выстраивании своего бытия (Рябикова, Миронова, Лаврова, 2024).

В качестве сущностного параметра, характеризующего вклад личности в состояние конкретной системы «человек – жизненная среда», выступает субъектность – конструкт, раскрывающийся, прежде всего, через понятие активности, «которая интегрирует и регулирует в динамике и функционировании всю личностную структуру, выступая как проектирование и организация собственной жизни и как конструирование социальной реальности» (Рябикова и др., 2024, с. 13). Субъектность рассматривается с позиции активности и инициативности личности в отношении процессов жизнеосуществления, в качестве основы для выстраивания взаимодействия с окружающим миром и творческой трансформации жизненного пространства (Фоминых, 2024). Субъектный подход к личности и рассмотрению ее

отдельных возрастных периодов (в том числе, поздних периодов жизни) позволяет вскрыть функции человека как личности, творящей свое бытие, ориентированной на поддержание своего психологического статуса, сохранение себя «как суверенного источника активности, способного в определенных границах намеренно осуществлять изменения окружающего мира и самого себя» (Анцыферова, 2000, с. 211).

Обоснование сущностных параметров психологического статуса личности военного пенсионера

Изучение психологического статуса личности конкретного субъекта предполагает выделение и описание совокупности ее сущностных психологических параметров, значимых для контекста конкретного исследования, для тех фактических теоретических и прикладных задач, которые решает исследователь. При этом, в соответствии с принципом единства личности и ее бытия, важно понимание специфики и контекстов тех конкретных средовых условий, которые детерминируют формирование отдельных параметров психологического статуса личности. Это определяет необходимость учета детерминирующего влияния факторов военно-профессиональной среды при определении сущностных параметров психологического статуса личности военного пенсионера.

Одним из уникальных средовых факторов военной службы выступает ее ценностная, нравственно-этическая наполненность. Принятие, разделение военнослужащими системы ценностей военной службы выступает центральным аспектом процесса профессиональной социализации, а их отторжение – причиной различных профессиональных дезадаптаций. Мы полагаем, что формирующаяся под влиянием уникальной среды система индивидуально-личностных ценностей военнослужащих является во многом специфичной, отличающейся от системы ценностей представителей других социальных групп.

Ценностно-смысловая сфера личности имеет важнейшее значение на поздних этапах ее социализации. Выход на пенсию является важной рубежной вехой позднего периода жизненного цикла человека и переживается как критический. Исследователи определяют кризис пожилого возраста как период ценностных трансформаций личности, смыслового поиска (Анцыферова, 2001; Levasseur et al., 2020; Sobol-Kwapinska, Przepiorka, Zimbardo, 2019). Важной характеристикой смыслообразования является «личностный, то есть «пропущенный через себя» и ставший своим, взгляд, оценка и предрасположенность определенным образом воспринимать и осмысливать происходящее, а значит и взаимодействовать с ним» (Абакумова, Годунов, Гурцкой, 2019, с. 414). Обретение субъектом новых жизненных смыслов определяет особенности формирования дальнейшего жизненного пути, обеспечивает возможности самореализации личности в изменившихся жизненных условиях (Абакумова, Годунов, Гурцкой, 2019; Почтарева, 2017).

Таким образом, значимость и специфичность ценностно-смысловой сферы личности военного пенсионера обусловлены опытом взаимодействия с военно-

профессиональной средой. Влияние ценностных характеристик на специфику протекания поздних периодов жизни после завершения военной карьеры позволяет обосновать включение этой сферы в число сущностных параметров психологического статуса личности военного пенсионера.

Стрессогенный характер военно-профессиональной среды определяет важность сформированности таких характеристик субъекта, которые выступают регуляторами ее поведения в сложных условиях, обеспечивают возможность максимально противостоять негативным средовым влияниям. Стressовые, сложные жизненные события, обстоятельства, ситуации во многом связаны с эмоциями человека, воспринимаются и оцениваются им как сложные, прежде всего, в эмоциональном плане. И поведение человека в таких ситуациях — это, прежде всего, эмоциональное совладание с ситуацией. При этом, рассматривая роль эмоций в регуляции поведения человека, исследователи обращаются и к идеям общности аффекта и интеллекта (Выготский, 1968; Рубинштейн, 2000). В рамках теории деятельности было сформулировано представление о функциональной системе интегрированных эмоциональных и когнитивных процессов, благодаря которой эмоции становятся «умными», а мышление оказывается неразрывно связанным со смысловой сферой личности (Леонтьев, 2005). Исследователи отмечают значимость аффективных и когнитивных характеристик личности как ресурсов регуляции ее поведения и в поздние периоды жизни, в частности, в период переживания критических изменений в связи с завершением активной профессиональной социализации (Лаврова, 2020; Сергиенко и др., 2020; Пономарёва, 2019; Le Vigouroux, Pavani, Dauvier, Kop, Congard, 2017).

Вышесказанное дает основание рассматривать аффективно-когнитивные характеристики личности военных пенсионеров в качестве важного параметра их психологического статуса.

Успешность выполнения задач в условиях военной службы зависит не только от развития тех или иных профессионально-важных качеств субъекта как таковых, но и от способности выстраивать психологические стратегии и тактики формирования в себе субъектных качеств, обеспечивающих способность быть активным деятелем своей жизни. В поздние периоды социализации личности, субъектность как комплексное, системное качество сохраняет свое важное значение (Маркелова, Дунаева, Шуткина, 2017). Если данный период жизни рассматривать как период существенных изменений, то пожилой человек (пенсионер) как субъект жизнедеятельности — это субъект изменений и формирования новых условий своего бытия.

Таким образом, проведенный теоретический анализ позволил нам обосновать следующие сущностные параметры психологического статуса личности военных пенсионеров, детерминированные профессионально-средовыми факторами и выступающие психологическим ресурсом личности на данном этапе ее социализации:

- ценностно-смысловые характеристики личности
- аффективно-когнитивные характеристики личности, обеспечивающие регуляцию ее поведения в сложных условиях
- субъектные характеристики.

Методы

В соответствии с целями исследования была сформирована выборка, в состав которой вошли 96 военных пенсионеров в возрасте от 39 до 82 лет, проживающих на территории Краснодарского Края и республики Крым.

В эмпирическом исследовании применен комплекс диагностических методик, соответствующих выделенным параметрам психологического статуса личности военных пенсионеров:

Диагностика ценностно-смысловой сферы личности осуществлялась с применением Методики А. Шварца для изучения ценностей личности (Schwartz, 1992; Карапашев, 2004) и опросника Ю. Куля для оценки мотивационной направленности личности (Реан, 2001).

Диагностика аффективно-когнитивных регуляторов поведения личности осуществлялась с помощью методики Н.Холла «Эмоциональный интеллект» (Фетискин и др., 2002) и Теста жизнестойкости Д. А. Леонтьева, Е. И. Рассказовой (Леонтьев, Рассказова, 2006).

Субъектные характеристики диагностировались с применением Краткой шкалы измерения самоактуализации (Jones & Crandall, 1986; Хьюлл, Зиглер, 2008), Опросника «Профессиональная востребованность личности» (Харитонова, Ясько, 2009) и Методики диагностики самооценки «Я в прошлом», «Я в настоящем», «Я в будущем» (модификации методики Т. В. Дембо – С. Я. Рубинштейн) (Сидоров, 2013).

Реализация принципа целостности при изучении психологического статуса личности военных пенсионеров как интегральной характеристики обеспечивалась процедурами кластеризации, поскольку содержанием кластеров выступают целостности, состоящие из взаимосвязанных однородных элементов, которые могут рассматриваться как самостоятельные единицы, обладающие определенными свойствами.

Результаты

Результаты применения кластерного анализа позволяют говорить о трех типах презентации психологического статуса личности военных пенсионеров (трех кластерах). Кластеры различаются определенными комбинациями социально-демографических маркеров участников исследования (возраст, пол, трудовая занятость) и сопутствующими характерными сочетаниями ценностно-смысловых, аффективно-когнитивных и субъектных характеристик личности пенсионеров.

Социально-демографическими особенностями кластера 1 выступает представленность в нем *относительно молодых, исключительно неработающих военных пенсионеров-мужчин*. В структуре нормативных идеалов у респондентов в данном кластере в наибольшей степени выражены конформность (стремление соответствовать социальным ожиданиям), традиции (уважения, признания, следования традициям), самостоятельность. В таблице 1 представлены наименьшие для респондентов данного кластера средние значения рангов ценностей на уровне нормативных идеалов.

Таблица 1

Наименьшие средние значения рангов ценностей на уровне нормативных идеалов (кластер 1)

Нормативные ценности	$M(\bar{x}) \pm \sigma$
Конформность	$2,69 \pm 1,341$
Традиции	$1,35 \pm 1,348$
Самостоятельность	$4,39 \pm 1,603$

На уровне руководства к действию из вышенназванных ценностей реализуется лишь ценность традиций ($M(\bar{x}) = 3,74 \pm 0,783$). Также на уровне индивидуальных ценностных приоритетов респондентов, определяющих поведение, отмечено стремление к безопасности, гармонии, стабильности во взаимоотношениях в обществе, в ближайшем окружении ($M(\bar{x}) = 2,99 \pm 0,651$).

В числе наименее значимых ценностей у респондентов данной группы отмечено стремление к власти, к достижению социального статуса или престижа, контроля или доминирования ($M(\bar{x}) = 6,84 \pm 1,378$), а на уровне поведения — отсутствие стремления к достижению личного успеха ($M(\bar{x}) = 7,46 \pm 0,552$).

Для респондентов данной группы характерен ситуационный тип направленности, который проявляется в чувствительности к различным жизненным событиям, уязвимости, «эмоциональном застrevании» на конкретной ситуации, недостаточной уверенности в своих силах, в недостаточной готовности действовать для изменения ситуации. Данные по отдельным шкалам представлены в таблице 2.

Таблица 2

Среднегрупповые значения по параметрам мотивационной направленности (кластер 1)

Шкалы	$M(\bar{x}) \pm \sigma$
Контроль за деятельностью в ситуации неуспеха (КДН)	5,83 \pm 3,563
Контроль за деятельностью при успехе (КДУ)	6,48 \pm 3,396
Контроль за деятельностью при планировании (КДП)	6,30 \pm 4,117

В числе особенностей респондентов данной группы следует отметить невысокий уровень интегрального эмоционального интеллекта, что проявляется в недостаточном понимании своих эмоций, эмоциональной ригидности, неумении мотивировать себя с использованием собственных эмоций, неумении понимать и эмоционально сопереживать другим людям, неготовности влиять на чувства других людей, использовать их эмоции для достижения своих целей. Данные представлены в таблице 3.

Таблица 3

Среднегрупповые значения параметров эмоционального интеллекта (кластер 1)

Шкалы	$M(\bar{x}) \pm \sigma$
Интегративный эмоциональный интеллект (ИЭИ)	-6,00 \pm 6,481
Эмоциональная осведомленность (ЭО)	-0,30 \pm 4,269
Управление своими эмоциями (УСЭ)	0,91 \pm 3,161
Самомотивация (СМ)	-1,13 \pm 3,455
Эмпатия (Эм)	-2,78 \pm 2,812
Распознавание эмоций других людей (РЭДЛ)	-2,57 \pm 2,858

Еще одной особенностью респондентов данной группы выступает низкий уровень вовлеченности как одного из параметров жизнестойкости, что проявляется в ощущении себя «вне жизни», в неготовности получать удовольствие от текущего момента жизни ($M(\bar{x}) = 26,87 \pm 6,327$).

Будучи субъектом поздней профессиональной социализации, военный пенсионер имеет определенный уровень сформированности таких субъектных характеристик, как самоактуализация, уровень личностной зрелости, самооценка себя в различные периоды жизни и в различных сферах жизни. У респондентов в данной группе отмечен низкий уровень самоактуализации ($M(\bar{x}) = 12,35 \pm 5,749$), что может проявляться в отсутствии стремления реализовать себя, свой потенциал, отсутствии целей, боязни неудач, сложностей, зависимости от мнения других людей, выраженной потребности в одобрении со стороны. Для разных периодов жизни одинаково характерен невысокий уровень самооценки респондентов: самооценка в прошлом $M(\bar{x}) = 5,57 \pm 1,085$, самооценка в настоящем $M(\bar{x}) = 4,98 \pm 0,667$, самооценка в будущем $M(\bar{x}) = 4,71 \pm 0,434$. Также у респондентов данной группы отмечен низкий уровень удовлетворенности самореализацией профессионального потенциала $M(\bar{x}) = 6,09 \pm 2,795$.

В качестве отличительных социально – демографических параметров кластера 2 можно отметить более высокий средний возраст респондентов ($69,86 \pm 5,47$ лет), а также представленность в составе данной группы всех респондентов-женщин, участвовавших в исследовании. Профессиональный статус участников данной группы неоднороден, и включает как работающих, так и неработающих военных пенсионеров.

В структуре ценностно-смысловой сферы военных пенсионеров кластера 2 так же, как и в группе 1, присутствуют расхождения между двумя уровнями функционирования ценностей: нормативными идеалами, ценностями личности на уровне убеждений и ценностями, приоритетами, проявляющимися в реальном поведении личности.

Характерной особенностью структуры нормативных идеалов у респондентов в данном кластере является низкий уровень конформности, отсутствие стремления соответствовать социальным ожиданиям ($M(\bar{x}) = 6,15 \pm 1,181$). В то же время, в ценностной структуре руководства к действию данная ценность имеет более высокий уровень сформированности, то есть, проявляется в реальном поведении именно как стремление соответствовать социальным ожиданиям ($M(\bar{x}) = 3,03 \pm 0,653$). Также на уровне индивидуальных ценностных приоритетов респондентов, определяющих поведение, отмечены универсализм, как понимание, терпимость, ориентация на защиту благополучия людей и окружающего мира ($M(\bar{x}) = 3,6 \pm 0,738$) и самостоятельность, как мышления и выбора действий ($M(\bar{x}) = 4,56 \pm 0,622$).

Для респондентов данной группы характерны проявления деятельностиной (акциональной) направленности, они могут активно действовать в различных

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ, ФИЛОСОФИЯ И ПСИХОЛОГИЯ

условиях, могут ставить перед собой цель и стремиться ее достигать. При этом, более отчетливо такие деятельностные характеристики проявляются в ситуациях успеха ($M(\bar{x}) = 10,45 \pm 4,539$). В то же время, в ситуациях неудач возможны проявления ситуационной направленности ($M(\bar{x}) = 9,25 \pm 4,847$), а именно «эмоциональное застrevание» на конкретной ситуации неудач, недостаточная уверенность в своих силах, недостаточная готовность действовать для преодоления неудачи.

В числе особенностей эмоциональной сферы у респондентов данной группы следует отметить невысокий среднегрупповой уровень (как и в группе 1) интегрального эмоционального интеллекта ($M(\bar{x}) = 26,25 \pm 17,960$), что может проявляться в эмоциональной ригидности, неумении мотивировать себя с использованием собственных эмоций, неумении понимать и эмоционально сопереживать другим людям, неготовности влиять на чувства других людей, использовать их эмоции для достижения своих целей. При этом, отмечается более значительный (по сравнению с группой 1) разброс индивидуальных значений интегрального эмоционального интеллекта у респондентов данной группы. Также в структуре эмоционального интеллекта военных пенсионеров в данном кластере характерен более высокий, по сравнению с кластером 1, средний уровень управления своими эмоциями, умения подчинять собственные эмоции и использовать их для достижения тех или иных целей ($M(\bar{x}) = 8,66 \pm 4,165$).

Также, как и в группе 1, у респондентов в группе 2 отмечается низкий уровень вовлеченности ($M(\bar{x}) = 24,32 \pm 5,366$), как одного из параметров жизнестойкости, что может проявляться через ощущение себя «вне жизни», через неготовность получать удовольствие от текущего момента жизни.

Анализ субъектных характеристик респондентов позволяет отметить у респондентов в группе 2 средний уровень самоактуализации, который проявляется в наличии определенных стремлений к реализации себя, своего потенциала ($M(\bar{x}) = 29,98 \pm 5,271$). Невысокий уровень оценки себя и жизненных событий характерен для таких периодов жизни, как настоящее ($M(\bar{x}) = 5,26 \pm 1,071$) и будущее ($M(\bar{x}) = 5,05 \pm 0,957$), а также для оценки успеха ($M(\bar{x}) = 5,85 \pm 1,598$) и самореализации в прошлом ($M(\bar{x}) = 5,87 \pm 1,359$). Более высокий уровень характеризует представления респондентов о счастье в прошлом ($M(\bar{x}) = 6,25 \pm 1,207$). Уровень удовлетворенности самореализацией профессионального потенциала у респондентов данной группы также является низким ($M(\bar{x}) = 14,62 \pm 3,564$).

Основным социально-демографическим параметром кластера 3 выступает профессиональный статус респондентов, поскольку представлены в нем только работающие военные пенсионеры.

На уровне нормативных идеалов доминирующей ценностью для респондентов является власть (социальный статус или престиж, авторитет, общественное признание) ($M(\bar{x}) = 4,00 \pm 1,106$). На уровне индивидуальных ценностных приоритетов, определяющих поведение, отмечены достижения, личный успех через демонстрацию

компетентности ($M(\bar{x}) = 6,02 \pm 0,352$), стимуляция, потребность в разнообразии для поддержания определенного уровня активности ($M(\bar{x}) = 6,01 \pm 0,583$), доброта, сохранение благополучия близких людей, полезность, лояльность, честность, ответственность ($M(\bar{x}) = 4,31 \pm 0,816$)

Доминирующий тип направленности респондентов данной группы «Ориентация на действие» предполагает деятельную их активность и в тех условиях, где активное поведение необходимо для решения проблем, и тогда, когда все актуальные потребности удовлетворены ($M(\bar{x}) = 14,30 \pm 2,105$); готовность проявлять активность, в том числе, и в ситуациях неудач ($M(\bar{x}) = 14,15 \pm 2,870$), готовность быстро переключаться на другую цель ($M(\bar{x}) = 14,30 \pm 2,922$).

В числе особенностей эмоциональной сферы у респондентов данной группы следует отметить средний уровень интегрального эмоционального интеллекта, который образован средним уровнем большинства его парциальных параметров (эмоциональной гибкости, умения мотивировать себя с использованием собственных эмоций, умения понимать и эмоционально сопереживать другим людям, готовности влиять на чувства других людей, использовать их эмоции для достижения своих целей) в сочетании с высоким уровнем управления своими эмоциями (умения подчинять собственные эмоции и использовать их для достижения тех или иных целей). Данные представлены в таблице 4.

Таблица 4

Среднегрупповые значения параметров эмоционального интеллекта (кластер 3)

Шкалы	$M(\bar{x}) \pm \sigma$
Интегративный эмоциональный интеллект (ИЭИ)	$60,75 \pm 13,090$
Эмоциональная осведомленность (ЭО)	$13,65 \pm 2,777$
Управление своими эмоциями (УСЭ)	$15,25 \pm 1,164$
Самомотивация (СМ)	$12,70 \pm 3,585$
Эмпатия (Эм)	$10,60 \pm 4,418$
Распознавание эмоций других людей (РЭДЛ)	$8,55 \pm 5,356$

В числе отличительных особенностей респондентов в группе 3 – средний уровень всех параметров жизнестойкости (вовлеченности, контроля, принятия риска). Данные представлены в таблице 5.

Таблица 5

Среднегрупповые значения параметров жизнестойкости (кластер 3)

Шкалы	$M(\bar{x}) \pm \sigma$
Вовлеченность (Вв)	$39,10 \pm 4,667$
Контроль (Кн)	$39,65 \pm 4,146$
Принятие риска (ПР)	$17,40 \pm 2,062$
Жизнестойкость (Жз)	$96,15 \pm 7,422$

Субъектные характеристики респондентов в группе 3 имеют более высокий уровень сформированности, а именно, более высокий уровень самоактуализации ($M(\bar{x}) = 46,4 \pm 6,253$) и более высокий средний уровень самооценки во все периоды жизни по всем оцениваемым параметрам: успех, самореализация, счастье. Данные представлены в таблице 6.

Среди показателей профессиональной востребованности среднему уровню соответствуют оценка результатов профессиональной деятельности ($M(\bar{x}) = 1,424 \pm 3,567$) и самоотношение, осознание своей значимости как профессионала ($M(\bar{x}) = 18,80 \pm 2,668$).

Обсуждение результатов

В рамках представленного исследования личности военных пенсионеров обоснована целесообразность обращения к теоретическому конструкту «психологический статус личности» как обеспечивающему реализацию методологических принципов целостности (Ананьев, 2000; Мерлин, 1986; Вяткин, 2011; Логинова, 2016; Панферов, Микляева, 2019), единства личности и ее бытия (Рубинштейн, 2000; Леонтьев, 2005; Ломов, 1984; Знаков, Рябикова, 2017), субъектности (Абульханова-Славская, 2001; Анцыферова, 2000; Знаков, 2003; Знаков, Рябикова, 2017; Фоминых, 2024; Холондрович, 2018).

Таблица 6

Среднегрупповые значения параметров самооценки (кластера 3)

Шкалы	$M(\bar{x}) \pm \sigma$
Прошлое Успех	$7,35 \pm 1,927$
Прошлое Самореализация	$7,55 \pm 1,638$
Прошлое Счастье	$7,85 \pm 1,387$

Шкалы	$M(\bar{x}) \pm \sigma$
Настоящее Успех	$5,25 \pm 0,716$
Настоящее Самореализация	$6,55 \pm 1,276$
Настоящее Счастье	$8,05 \pm 1,234$
Будущее Успех	$4,90 \pm 0,553$
Будущее Самореализация	$5,20 \pm 0,696$
Будущее Счастье	$7,65 \pm 1,424$

Психологический статус личности в рамках данного исследования рассматривается как интегральная совокупность относительно устойчивых сущностных личностно-психологических параметров, которые формируются в контексте системы «человек — окружающая среда», определяют уровень психической активности человека во взаимодействии с актуальными факторами внешней реальности, определяют его способность и готовность выступать субъектом изменений и формирования новых условий своего бытия. Важность рассмотрения психики в контексте системы «человек — жизненная среда» подчеркивали А. Н. Леонтьев, Б. Ф. Ломов, определяя психику как подсистему организации целостного человека, реализующего на психологическом и социальном уровнях этой организации (неразрывно связанных с биологическим уровнем) необходимые отношения со средой (Леонтьев, 2005; Ломов, 1984). Общность развиваемых психологических характеристик личности со средовыми обстоятельствами (с обстоятельствами бытия) особо акцентируется в экопсихологическом походе, отличительной чертой которого является рассмотрение психики не только как атрибута человека, но и как продукта системы «человек — окружающая среда (природная, социальная)» (Bronfenbrenner, 1979; Shoda & Mischel, 2000; Панов, 2022; Панов, Сараева, 2011).

Нами выделены и описаны сущностные параметры психологического статуса личности военных пенсионеров, обусловленные, с одной стороны, особенностями ранее пройденных жизненных этапов, а именно, длительным воздействием на субъекта специфических профессионально-средовых факторов (факторов военно-профессиональной среды) в период прохождения военной службы, и, с другой стороны, факторами, определяющими активность субъекта во взаимодействии с актуальными факторами изменившейся внешней реальности после завершения активной профессиональной деятельности (военной службы).

В качестве сущностных параметров психологического статуса личности военных пенсионеров обоснованы и исследованы ценностно-смысловые характеристики

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ, ФИЛОСОФИЯ И ПСИХОЛОГИЯ

личности (Почтарева, 2017; Martinson & Berridge, 2015), аффективно-когнитивные характеристики личности, обеспечивающие регуляцию ее поведения в сложных условиях (Сергиенко и др., 2020; West & Glynn, 2016; Veenstra, Daatland & Aartsen, 2021; Blöchl, Nestler & Weiss, 2021) и субъектные характеристики (Анцыферова, 2001). В рамках представленного исследования субъектные характеристики выступают фокусом рассмотрения личности, ключевым параметром ее психологического статуса, отражающим особенности позиционирования личности в отношениях с актуальной внешней средой. Данный подход согласуется с пониманием субъектности как комплексного системного качества, имеющего важное значение в поздние периоды социализации личности (Маркелова, Дунаева, Шуткина, 2017).

Теоретическое обоснование параметров психологического статуса личности (на примере военных пенсионеров) определило ракурс его эмпирического анализа. Обозначены три типа презентации психологического статуса, различающихся характерным сочетанием его ключевых параметров и имеющих специфическую социально-демографическую представленность.

Первый тип психологического статуса, имеющий наиболее выраженную представленность среди неработающих военных пенсионеров-мужчин, маркируется такими параметрами, как ориентация на стабильность и безопасность на уровне ценностей, низкая эмоциональная компетентность, эмоциональная слабость, зависимость, неготовность к преодолению сложных жизненных ситуаций, потеря субъектности («утраченная субъектность»). Таким образом, данный тип психологического статуса личности военных пенсионеров характеризуется несформированностью личностных ресурсов для самореализации в изменившихся условиях бытия и позволяет прогнозировать неблагоприятные маршруты реализации субъектности, ее подавление в условиях негативного воздействия внешних средовых факторов.

Второй тип психологического статуса военных пенсионеров имеет наиболее выраженную представленность среди военных пенсионеров старшего возраста (60+), среди военных пенсионеров-женщин. Он характеризуется противоречивой структурой ценностно-смысловой сферы военных пенсионеров: с одной стороны, отрицанием конформности на уровне ценностей, таким индивидуальным приоритетом, как стремление к самостоятельности мышления и действий, и, с другой стороны, соответствием социальным ожиданиям на уровне поведения; эмоциональной компетентностью на уровне управления своими эмоциями; средним уровнем сформированности субъектных характеристик, и их преимущественной направленностью в прошлое («позитивная ретроспективная субъектность»). Данный тип психологического статуса личности может определять различные особенности ее взаимодействия с изменившейся внешней средой. С одной стороны, для «субъекта своего прошлого» свойственно оценивать прошедшие события и себя в прошлом более позитивно, чем в настоящем, что может создавать риски «застревания», следования устоявшимся шаблонам

поведения, которые могут оказаться неэффективными в изменившихся условиях. С другой стороны, сохраненная позитивная ретроспективная субъектность, способность конструктивно анализировать свой прошлый опыт и готовность связать его с событиями в настоящем, могут помочь субъекту найти ресурсы для сохранения своей идентичности, формирования новых смыслов, поиска новых сфер и возможностей самореализации в условиях актуальной бытийной реальности.

Структура психологического статуса третьего типа, имеющего наибольшую представленность среди работающих военных пенсионеров, включает в себя деятельностно-ориентированные ценностные характеристики (мотивация к достижениям, потребность в активности, деятельностная направленность); высокий уровень эмоциональной компетентности на уровне управления своими эмоциями; сформированность субъектных характеристик, в том числе, отдельных характеристик профессиональной субъектности («сохраненная субъектность»). Данный тип психологического статуса личности позволяет прогнозировать благоприятный маршрут реализации субъектности военных пенсионеров за счет сформированных личностных ресурсов, обеспечивающих возможности для активной трансформации субъектом актуальных условий своего бытия.

Заключение

Научная новизна исследования состояла в операционализации понятия «психологический статус личности» на основе методологических принципов целостности, единства личности и ее бытия, субъектности. Теоретически обосновано выделение сущностных параметров психологического статуса личности военных пенсионеров, обусловленных факторами ее предшествующей социализации и факторами актуальной внешней реальности в конкретный период жизни. Реализованное на эмпирическом уровне исследование сущностных личностных параметров, применение многомерных процедур их статистического анализа позволило дифференцировать типологические проявления психологического статуса личности военных пенсионеров.

Полученные результаты согласуются с представлениями о многообразии бытия и путей развития личности на поздних этапах жизненного цикла (Никифоров, Водопьянова, Гофман, 2018; Северин, 2020; Charles & Arockiam, 2020), расширяют имеющиеся представления в части понимания дифференцированности стратегий и способов претворения субъектности, акцентируют внимание на необходимости корректировки маршрутов реализации субъектности с учетом типологических проявлений актуального психологического статуса личности.

Представленная работа имеет обоснованные предпосылки для дальнейших теоретических и эмпирических исследований психологического статуса личности, его сущностных параметров применительно к различным групповым субъектам и конкретным контекстам их бытия.

Литература

Абакумова, И. В., Годунов, М. В., Гурцкой, Д. А. (2019). Смысловой выбор как психологическая проблема. *Вестник Удмуртского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика*, 29(4), 413–429.

Абульханова-Славская, К. А. (2001). Проблема определения субъекта в психологии: Субъект действия, взаимодействия, познания (психологические, философские, социокультурные аспекты). МОДЭК.

Ананьев, Б. Г. (2000). Психология личности. Москва.

Анцыферова, Л. И. (2000). Психологическое содержание феномена субъект и границы субъектно-деятельностного подхода. *Проблема субъекта в психологической науке*, 27–42. ИПРАН.

Анцыферова, Л. И. (2001). Психология старости: особенности развития личности в период поздней взрослости. *Психологический журнал*, 22(3), 86–99.

Выготский, Л. С. (1968). О двух направлениях в понимании природы эмоций в зарубежной психологии в начале XX века. *Вопросы психологии*, 2, 157–159.

Вяткин, Б. А. (ред.) (2011). *Психология интегральной индивидуальности: Пермская школа: антология научных работ*. Смысл.

Головей Л. А. (2024). Психология развития и дифференциальная психология в Санкт-Петербургском государственном университете (25 лет со дня основания кафедры). *Вестник СПбГУ. Серия 16: Психология. Педагогика*, 1, 14–24.

Знаков, В. В. (2003). Психология субъекта как методология понимания человеческого бытия. *Психологический журнал*, 24, 95–106.

Знаков, В. В., Рябикова, З. И. (2017). Психология человеческого бытия. Смысл.

Карабанова, О. А. (2014). Социальная ситуация развития как преодоление дилеммы «личность – среда». *Психологические исследования*, 7(36).

Карандашев, В. Н. (2004). Методика Шварца для изучения ценностей личности: концепция и методическое руководство. Речь.

Лаврова, О. А. (2020). Характеристики эмоциональной сферы военных пенсионеров как детерминанты их адаптационной готовности к изменениям в социальном статусе. *Южно-российский журнал социальных наук*, 2, 111–125.

Леонтьев, Д. А., Рассказова, Е. И. (2006). Тест жизнестойкости. Смысл.

Леонтьев, А. Н. (2005). Деятельность. Сознание. Личность. Академия.

Логинова, Н. А. (2016). Целостный человек как проблема в российской психологии. *Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология*, 2(26), 61–70.

Ломов Б. Ф. (1984). Методологические и теоретические проблемы психологии. Издательство «Наука».

Маркелова, Т. В., Дунаева, Н. И., Шуткина, Ж. А. (2017). Субъектность как свойство личности пожилых людей при адаптации в посттрудовой период. *Проблемы современного педагогического образования*, (55-11), 253–260.

Мерлин, В. С. (1986). Очерк интегрального исследования индивидуальности. Педагогика.

Никифоров Г.С., Водопьянова Н.Е., Гофман О. О. (2018) Постановка проблемы психологического обеспечения завершения профессионального пути: теоретический обзор. *Организационная психология*. Т. 8. № 3. 86–103.

Панов, В. И. (2022). Экопсихологический подход к развитию психики: этапы, предпосылки, конструкты. *Теоретическая и экспериментальная психология*, 15(3), 100–117.

Панов, В. И., Сараева, Н. М. (2011). Психологический статус человека в регионе экологического неблагополучия: результат взаимодействия компонентов системы «Человек – жизненная среда» (на примере детского населения Забайкальского края). *Ученые записки ЗабГУ. Серия: Педагогические науки*, 5.

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ, ФИЛОСОФИЯ И ПСИХОЛОГИЯ

Панферов, В. Н., Микляева, А. В. (2019). Принцип целостности в интеграции психологического знания. *Психологический журнал*, 40(2), 5–14.

Пономарева, Е. Ю. (2019). Сущностная характеристика природы эмоционального интеллекта. *Гуманитарные науки*, 3, 102–106.

Почтарева, Е. Ю. (2017). Ценностно-смысловая сфера личности: сущность, детерминанты, механизмы развития. *Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология*, 4, 563–575.

Реан, А. А. (2001). *Практическая психодиагностика личности*. Изд-во СПбГУ.

Рубинштейн, С. Л. (2000). *Проблемы общей психологии*. Питер.

Рябикина, З. И., Миронова, Е. Р., Лаврова, О. А. (2024). Особенности проявления субъектных характеристик на поздних этапах жизненного цикла личности (на примере военных пенсионеров). *Теоретическая и экспериментальная психология*, 17(1), 9–25.

Рябикина, З. И., Ожигова, Л. Н., Гусейнов, А. Ш., Шиповская, В. В. (2024). Субъектно-бытийный подход в исследовании личности: методология и перспективы развития. *Южно-российский журнал социальных наук*, 25(2), 6–27.

Северин, А. В. (2020). *Социально-психологическая адаптация пожилых людей к изменяющемуся миру: психологические проблемы пожилых и способы их решения*. Альтернатива.

Сергиенко, Е. А., Хлевная, Е. А., Киселёва, Т. С., Никитина, А. А., Осипенко, Е. И. (2020). Роль эмоционального интеллекта в совладании со сложными жизненными ситуациями. *Вестник Костромского государственного университета. Педагогика. Психология. Социокинетика*, 4.

Сидоров, К. Р. (2013). Методика Дембо-Рубинштейн и её модификация. *Вестник Удмуртского университета. Серия «Философия. Психология. Педагогика»*, (1).

Стрижицкая, О. Ю. (2022). Истоки Ленинградской (Санкт-Петербургской) школы психологии старения в работах Б. Г. Ананьева и М. Д. Александровой. *Вестник СПбГУ. Серия 16: Психология. Педагогика*, (1), 46–54.

Стужук, А. С., Сорокин, Д. В., Абакарова, Д. С., Аджиев, К. С. (2020). Определение психологического статуса пациентов по типу отношения к болезни в условиях пандемии. *Бюллетень медицинской науки*, 4, 10–12.

Фетискин, Н. П., Козлова, В. В., Мануйлов, Г. М. (2002). *Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп*. Изд-во Института Психотерапии.

Фоминых, Е. С. (2024). Психологические индикаторы субъектности жизненной позиции. *Российский психологический журнал*, 21(1), 254–266.

Харитонова, Е. В., Ясько, Б. А. (2009). Опросник «Профессиональная востребованность личности» (ПВЛ). Кубанский государственный университет.

Холондович, Е. Н. (2018). Личность, субъект деятельности, субъект жизни. *Психология человека как субъекта познания, общения и деятельности*, 245–254. Изд-во «Институт психологии РАН».

Хъелл, Л., Зиглер, Д. (2008). *Теории личности*. Питер.

Blöchl, M., Nestler, S. and Weiss, D. (2021) A limit of the subjective age bias: Feeling younger to a certain degree, but no more, is beneficial for life satisfaction. *Psychology and Aging*, 36(3), 360–372.

Bronfenbrenner, U. (1979). *The ecology of human development*. Cambridge, MA.

Charles, S., & Arockiam, K. (2020). Perceived social support and quality of life of pensioners. *Journal of Xi'an University of Architecture & Technology*, 12(3), 1153–1165.

Charles, S., & Arockiam, K. (2020). Psychological well-being and quality of life of pensioners. *Studies in Indian Place Names*, 40(3), 4958–4965.

Diehl, M., Wettstein, M., Spuling, S. M., & Wurm, S. (2021). Age-related change in self-perceptions of aging: Longitudinal trajectories and predictors of change. *Psychology and Aging*, 36(3), 344–359. <https://doi.org/10.1037/pag0000578>

Ingrand, I., Paccalin, M., Liuu, E., Gil, R., & Ingrand, P. (2018). Positive perception of aging is a key predictor of quality-of life in aging people. *PLoS One*, 13(10), e0204044. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0204044>

Jones, A., & Crandall, R. (1986). Validation of a short index of self-actualization. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 12(1), 63–73. <https://doi.org/10.1177/0146167286121006>

Le Vigouroux, S., Pavani, J., Dauvier, B., Kop, J., & Congard, A. (2017). Reactive or proactive? Age differences in the use of affective regulation strategies. *Psychology and Aging*, 32(7), 621–627. <https://doi.org/10.1037/pag0000194>

Levasseur, L., Shipp, A. J., Fried, Y., Rousseau, D. M., & Zimbardo, P. G. (2020). New perspectives on time perspective and temporal focus. *Journal of Organizational Behavior*, 41(3), 235–243. <https://doi.org/10.1002/job.2414>

Martinson, M., & Berridge, C. (2015). Successful aging and its discontents: A systematic review of the social gerontology literature. *The Gerontologist*, 55(1), 58–69. <https://doi.org/10.1093/geront/gnu037>

Nilsson, H., Bülow, P. H., & Kazemi, A. (2015). Mindful sustainable aging: Advancing a comprehensive approach to the challenges and opportunities of old age. *Europe's Journal of Psychology*, 11(3), 494–508. <https://doi.org/10.5964/ejop.v11i3.949>

Rowe, J. W., & Kahn, R. L. (2015). Successful aging 2.0: Conceptual expansions for the 21st century. *The Journals of Gerontology: Series B*, 70(4), 593–596. <https://doi.org/10.1093/geronb/gbv025>

Schwartz, S. H. (1992). Universals in the content and structure of values: Theory and empirical tests in 20 countries. In M. P. Zanna (Ed.), *Advances in experimental social psychology* (Vol. 25, pp. 1–65). Academic Press. [https://doi.org/10.1016/S0065-2601\(08\)60281-6](https://doi.org/10.1016/S0065-2601(08)60281-6)

Shoda, Y., & Mischel, W. (2000). Reconciling contextualism with the core assumptions of personality psychology. *European Journal of Personality*, 14(5), 407–428. [https://doi.org/10.1002/1099-0984\(200009/10\)14:5<407::AID-PER382>3.0.CO;2-3](https://doi.org/10.1002/1099-0984(200009/10)14:5<407::AID-PER382>3.0.CO;2-3)

Sobol-Kwapinska, M., Przepiorka, A., & Zimbardo, P. (2019). The structure of time perspective: Age-related differences in Poland. *Time & Society*, 28(1), 5–32. <https://doi.org/10.1177/0961463X16656851>

Veenstra, M., Daatland, S. O., & Aartsen, M. (2021). The role of subjective age in sustaining wellbeing and health in the second half of life. *Ageing & Society*, 41(11), 2446–2466. <https://doi.org/10.1017/S0144686X20000484>

West, K., & Glynn, J. (2016). "Death talk", "loss talk" and identification in the process of ageing. *Ageing & Society*, 36(2), 225–239. <https://doi.org/10.1017/S0144686X14001039>

Westerhof, G. J., Nehrkorn-Bailey, A. M., Tseng, H.-Y., Brothers, A., Siebert, J. S., Wurm, S., Wahl, H. W., & Diehl, M. (2023). Longitudinal effects of subjective aging on health and longevity: An updated meta-analysis. *Psychology and Aging*, 38(3), 147–166. <https://doi.org/10.1037/pag0000737>

Поступила в редакцию: 29.10.2024

Поступила после рецензирования: 13.01.2025

Принята к публикации: 14.08.2025

Заявленный вклад авторов

Зинаида Ивановна Рябикова – формулировка идеи, цели исследования, обоснование методологии исследования, формулировка выводов, научное руководство, контроль за выполнением исследования.

Елена Рубеновна Миронова – подготовка плана статьи, разработка дизайна исследования, теоретический анализ проблемы исследования, обзор существующих исследований по проблеме статьи, описание результатов исследования, структурирование и научная редакция статьи, редактирование и доработка текста, формулировка выводов.

Ольга Анатольевна Лаврова – работа с русскоязычными и иностранными источниками, сбор эмпирических данных, подготовка данных для анализа, статистическая обработка эмпирических данных, написание аннотации, ключевых слов и основных положений, написание текста статьи, интерпретация результатов, формулировка выводов, оформление списка литературы.

Информация об авторах

Зинаида Ивановна Рябикина – доктор психологических наук, профессор кафедры психологии личности и общей психологии факультета управления и психологии Кубанского государственного университета, Краснодар, Российская Федерация; SPIN-код: 2178-6220; AuthorID:675107; ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7396-0115>; e-mail: z.ryabikina@yandex.ru

Елена Рубеновна Миронова – кандидат психологических наук, доцент кафедры управления персоналом и организационной психологии факультета управления и психологии Кубанского государственного университета, Краснодар, Российская Федерация; SPIN-код: 6902-5104; AuthorID:384734; ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0002-8424-7942>; e-mail: jelenamironova@rambler.ru

Ольга Анатольевна Лаврова – соискатель кафедры психологии личности и общей психологии факультета управления и психологии Кубанского государственного университета, Краснодар, Российская Федерация ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-7341-3653>; e-mail: lavloa@yandex.ru

Информация о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.